

О некоторых типологических характеристиках андийских глагольных систем

© 2024

Константин Вадимович Филатов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
triolo@mail.ru

Аннотация: Несмотря на то, что андийские языки (< нахско-дагестанские) традиционно считаются агглютинативными, их глагольные системы практически не демонстрируют строго агглютинативных свойств. Наиболее важные характеристики этих систем — малая ортогональность грамматических категорий и связанные с ней свойства семантической неаддитивности или морфологической идиоматичности. В отношении морфотактической структуры андийские системы могут быть как формально-аддитивными, так и формально-неаддитивными, что связано с интенсивностью фузионных процессов в системе. Взаимосвязь структур семантических и формальных противопоставлений в таких системах является непрозрачной. Многие формативы в формально-аддитивных системах демонстрируют морфомные свойства, а их взаимная селективность проявляется в иерархической структуре парадигмы. Типологически такие особенности систем, выражающих преимущественно ТАМ-значения, не являются неожиданными. В статье предлагается ряд диахронических соображений, позволяющих объяснить наблюдаемые особенности систем. Неортогональность и семантическая неаддитивность может быть объяснена асинхронной грамматикализацией, которая предотвращает формирование ортогональных категорий с аддитивными средствами выражения и связана с разной стабильностью значений в системе и разной скоростью их обновления. Морфомные и иерархические структуры в парадигме возникают из-за сохранения в парадигме разных хронологических слоев морфологизованного материала и действия грамматического дрейфа, ведущего к образованию полисемичных и гетеросемичных структур значений показателей.

Ключевые слова: агглютинация, андийские языки, глагольные системы, грамматические категории, морфология, нахско-дагестанские языки, фузия, членимость

Благодарности: Мы благодарим анонимных рецензентов за ценные комментарии, которые позволили существенно углубить наш анализ. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Филатов К. В. О некоторых типологических характеристиках андийских глагольных систем. *Вопросы языкоznания*, 2024, 6: 32–57.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.6.32-57

On typologically relevant properties of Andic verbal grammatical systems

Konstantin V. Filatov

HSE University, Moscow, Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; triolo@mail.ru

Abstract: Despite the fact that Andic languages (< East Caucasian) are widely recognised as agglutinating, their verbal systems barely demonstrate any agglutinating properties. The most important characteristics of these systems are the incomplete orthogonality of grammatical categories and the related

properties of semantic non-additivity or morphological idiomticity. In terms of morphotactic structure, different Andic systems can be either morphotactically complex or simplex. The difference is related to the intensity of fusional processes in the system. The relationship between the structures of semantic and formal oppositions in such systems is opaque. Many formatives in formally additive systems exhibit morphemic properties, and their decreased combinatorial potential is manifested in the hierarchical structure of the paradigm. From a typological perspective, such peculiarities are not unexpected for systems expressing predominantly TAM meanings. The paper proposes a number of diachronic considerations to explain the observed characteristics of the systems. Non-orthogonality and semantic non-additivity can be explained by asynchronous grammaticalization, which prevents the formation of orthogonal categories with additive means of expression and is related to different stability of meanings in the system and different rates of their diachronic renovation. Morphemic and hierarchical structures in the paradigm arise due to layering and grammatical drift leading to polysemic and heterosemic meaning structures of markers.

Keywords: agglutination, Andic, fusion, grammatical categories, morphology, Nakh-Daghestanian, segmentability, verbal systems

Acknowledgements: We are grateful to the anonymous reviewers for their valuable comments, which have enabled us to significantly enhance the depth of our analysis. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

For citation: Filatov K. V. On typologically relevant properties of Andic verbal grammatical systems. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 6: 32–57.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.6.32-57

1. Постановка проблемы

Проблема, которой посвящена эта статья, кратко сформулирована М. Баэрманом в работе [Baerman 2019: 124]: «Inflectional paradigms come in two possible flavours: either the forms line up with the featural system whose values they express, or they do not». Мы будем называть эту проблему **проблемой соотнесенности категориальной и морфологической структур**. Более раннее обращение к ней можно найти в статье [Плунгян, Урманчиева 2004].

В. А. Плунгян и А. Ю. Урманчиева, развивая идею из работы [Welmers 1973: 343] о том, что глагольные системы языков нигер-конго лучше всего описывать в виде списка глагольных конструкций, а не сетки с пересечением категорий вида, времени и модальности, вводят противопоставление **линейных и многомерных** грамматических систем. Центральное понятие этой статьи, позволяющее определить два этих типа систем, — комбинаторный потенциал значений грамматических категорий. В многомерных системах грамматические формы способны комбинировать грамматические значения, в отличие от линейных — это системы с жестким, некомбинаторно заданным списком грамматических значений. Метафору, стоящую за этими терминами, можно интерпретировать, если обратиться к понятию **ортогональности** грамматических категорий, определенному в [Corbett 2012: 34]: ортогональными категориями называются такие, значения которых могут быть выражены в словоформе независимо (ср. также более ранние формулировки схожего принципа «невозможности двух однородных элементов в одной словоформе» в [Зализняк 1967/2002: 27], а также [Володин 1976: 85]). Таким образом, многомерными, по [Плунгян, Урманчиева 2004], являются системы, в которых можно выделить несколько ортогональных категорий.

Понятие комбинаторного потенциала ортогональных категорий позволяет переформулировать в терминах категориальной структуры понятия кумуляции и агглютинации: они возможны только в многомерных системах, но свой комбинаторный потенциал реализуют по-разному.

В **многомерно-кумулятивных** системах, таких как императив в латинском языке (табл. 1), показатели кумулятивно выражают комбинации из двух значений двух разных

категорий — числа и залога. Ортогональность категорий числа и залога обеспечивается в этом случае тем, что каждая морфема охарактеризована ровно двумя значениями. Поскольку все четыре комбинации значений выражаются различными морфемами (ACT + SG = $-\emptyset / -e$, ACT + PL = $-(i)te$, PASS + SG = $-re$, PASS + PL = $-mini$), можно считать, что категории числа и залога заданы независимо.

Таблица 1

Многомерно-кумулятивная система (императив в латинском языке, по [Harkness 1898: 98–99])

Залог	Число	
	SG	PL
ACT	$-\emptyset / -e$	$-(i)te$
PASS	$-re$	$-mini$

В узбекской глагольной системе (табл. 2) — **многомерно-агглютинативной** — каждая морфема выражает ровно одно значение категории, а комбинации значений выражаются при помощи комбинаций показателей, например, *кий-ин-тир-ма-ян-ман* [одеваться-REFL-CAUS-NEG-PROG-1SG] ‘я не одеваю в данный момент’ или *ур-ииш-ма* [драться-RECIP-NEG] ‘не дерись!’ [Ревзин, Юлдашева 1969: 47]. Как видно из приведенных примеров, в рамках каждого позиционного класса независимо выражаются значения ровно одной категории.

Таблица 2

**Многомерно-агглютинативная система
(узбекский язык, по [Ревзин, Юлдашева 1969])**

Возвратность	Залог	Полярность	TAM	Лицо
<i>-ин</i>	<i>-тир</i>	<i>-ма</i>	<i>-ян</i>	<i>-ман</i>
<i>-Ø</i>	<i>-ииш</i>	<i>-Ø</i>	<i>-а / -й</i>	<i>-сан</i>
	<i>-л</i>		<i>-ди</i>	<i>-ти</i>
			<i>-ган</i>	...
				...

В отличие от многомерных систем, грамматические формы линейных систем не могут быть представлены при помощи композиции значений ортогональных категорий. В глагольной системе языка кеплле (< манде) (табл. 3, с. 35) каждая словоформа парадигмы представляет собой уникальный набор грамматических значений и морфологических средств их выражения.

При этом затруднительно сформулировать обобщения, при помощи которых дистрибуция грамматических показателей может быть соотнесена с однородными (в терминах [Зализняк 1967/2002: 23]) классами грамматических значений. Например, показатель *e* представлен в формах гортатива и прошедшего времени, а показатель *a* — в формах прогрессива, хабитуалиса, кондиционалиса и экспериментального перфекта. В таких системах невозможно сгруппировать морфологические средства по семантическому признаку (аспекта, времени, модальности) и выделить на этом основании ортогональные категории. Можно лишь выделить одну «макрокатегорию» (называемую иногда ТАМ-категорией, см., например, [Виноградов 2013а]), в которую входят значения из разных семантических зон, таких как модальность, время, аспект.

Вместе с тем такая типология достаточно радикальна: во-первых, системы этих типов в чистом виде встречаются редко, а во-вторых, слишком ориентированы на элементно-комбинаторные (англ. *Item-and-Arrangement* [Hockett 1954]) морфологические модели.

Таблица 3

Линейная глагольная система
(либерийский кпелле, глагол *kula* ‘выходит’, данные [Welmers 1973: 395]
цит. по [Плунгян, Урманчиева 2004])¹

Форма	Грамматический ярлык	Перевод
<i>kula</i>	Императив	‘выходи!'
<i>é kùla</i>	Гортатив	‘пусть выходит!'
<i>è kùla</i>	Прошедшее время	‘вышел’
<i>a kulâi</i>	Прогрессив	‘(в данный момент) выходит’
<i>a kùla</i>	Хабитуалис	‘(обычно) выходит’
<i>à kùla</i>	Кондиционалис	‘когда / если выйдет’
<i>à kula</i>	Экспериенциальный перфект	‘уже (не раз) выходил’
<i>aâ kula</i>	Результативный перфект	‘вышел (и находится снаружи)’
<i>èi kùla</i>	Дезидератив	‘хорошо бы вышел!'

Хотя латинская система часто используется в качестве хрестоматийного примера многомерно-кумулятивной системы, П. Х. Мэттьюз в монографии [Matthews 1972] показал, что она далеко не гомогенна в этом отношении: разные ее подпарадигмы демонстрируют разнообразные отклонения от кумулятивного принципа организации (см. [Ibid.: 56–96]) и во многом свидетельствуют против моделей словоизменения, основанных на представлении о морфемах как двусторонних единицах. Поэтому в современной морфологической теории скорее ставится вопрос о взаимной соотнесенности между структурой семантических противопоставлений и структурой формальных противопоставлений. Ср., например, формулировку М. Мэйдена [Maiden 2018: 34] (со ссылкой на [Matthews 1972: 67–77]) о латинской системе: «[T]he link between lexical and grammatical meanings and the internal structure of the word was frequently opaque, both paradigmatically and syntagmatically», — или следующее наблюдение Дж. Блевинса: «The structure of a language is defined by an association between a system of contrasts at the level of grammatical meaning and a system of contrasts at the level of form, but there need not be any correspondence between individual form contrasts and meaning contrasts» [Blevins 2016: 15].

В данной статье мы исследуем связь этих двух структур в глагольных системах некоторых андийских языков (< аваро-андо-цеэские < нахско-дагестанские). Кавказоведческая традиция практически всегда характеризует эти языки как агглютинативные, рассматривая их самостоятельно либо в составе нахско-дагестанских языков (ср. [Услар 1889: 2; Бокарев, Климов 1967: 10; Назаров 1974: 19; Kibrik et al. (eds.) 1996: xiii; Алексеев, Атаев 1997: 39; van den Berg 2005: 162; Forker 2018: 3; 2020: 248; Creissels 2018: 167; Ферхеес 2019: 49; Ganenkov, Maisak 2020: 112] и др.). При этом нужно учитывать, что «агглютинация» — термин исторически многозначный (см. об этом, например, [Plungian 2001] или [Haspelmath 2009]). Не всегда ясно, имеется ли в виду агглютинация как разновидность изоморфизма между формальной и семантической организацией словаформы или же речь идет об агглютинации как отсутствии фузии.

Традиция описания, заложенная А. Е. Кибриком, также, в сущности, уходит от ответа на вопрос о характере связи между структурой словаформы и грамматическими значениями. Во введении к сборнику очерков глагольной морфологии [Кибрик, Кодзасов 1988: 9] ставится задача выявить состав грамматических категорий глагола в дагестанских языках, хотя в тексте самих очерков описываются лишь модели образования индивидуальных

¹ Ср. также более новое описание глагольной системы гвинейского кпелле [Коношенко 2017], не отличающееся в существенных для нас деталях от описания В. Велмерса.

глагольных форм, а парадигматические отношения между этими формами не обсуждаются. В схожем ключе выполнены, например, и более поздние грамматические описания [Kibrik et al. (eds.) 1996] и [Кибрик и др. 2001]. Показательна в этом отношении грамматика квандинского диалекта багвалинского языка [Кибрик и др. 2001], где анализу морфологических структур глагольных словоформ [Там же: 67–105] и семантики глагольных грамматических значений [Там же: 232–366] принципиально посвящены разные разделы. Одна из немногих работ, прямо обсуждающих отношения между формальной структурой словоформы и структурой семантических противопоставлений («non-trivial form-meaning relations») в языках Кавказа, — статья [Arkadiev 2022: 19–26], однако материал нахско-дагестанских языков там представлен только образцами именной морфологии.

Характеристика нахско-дагестанских языков как агглютинативных встречается и в работах, специально посвященных типологии категориальных структур, что подразумевает понимание агглютинации как разновидности категориальной структуры. Так, в [Плунгян 2003; 2011; Плунгян, Урманчиеva 2004] нахско-дагестанские глагольные системы описываются либо как многомерные без дальнейших уточнений, либо же как ранговые, то есть многомерно-агглютинативные. Стоит отметить, что эти работы не привлекали к детальному рассмотрению андийский материал, апеллируя скорее к системам типа лезгинских или даргинских.

Тем самым цель этой статьи — установить категориальные характеристики глагольных систем одной из групп нахско-дагестанских языков — андийских языков, вписать их в типологию грамматических систем и дать возможные диахронические объяснения архитектуры этих систем².

В разделе 2 будут кратко даны теоретические предпосылки. В разделе 3 мы проанализируем ряд глагольных систем андийских языков и покажем, что эти системы характеризуются структурой слабо ортогональных категорий и семантическая неаддитивность — их существенное свойство. Кроме того, мы обсудим и другие свойства этих систем: их различия в формальной аддитивности, иерархическую структуру парадигмы и морфомный характер некоторых формативов в ней. В разделе 4 будут приведены возможные диахронические объяснения наблюдаемых явлений.

2. Теоретические предпосылки

Прежде чем переходить к анализу андийских систем, определим круг теоретических предпосылок и понятий, из которых мы будем исходить. Наше изложение будет опираться на инференционно-реализационные морфологические модели [Stump 2001: 1]. В таких моделях план выражения морфологически неэлементарных словоформ состоит из **основы** и **экспонентов**. Основа, согласно [Ibid.: 33], представляет собой морфологическое выражение, к которому могут быть добавлены словоизменительные экспоненты. Экспонентами называются такие повторяющиеся в парадигме элементы словоформ, которые участвуют в реализации каких-либо словоизменительных признаков плана содержания. Частным случаем экспонентов являются **формативы**, то есть сегментные экспоненты (цепочки фонем). Формативы могут непосредственно выражать тот или иной словоизменительный признак, а могут быть **морфомными**, то есть такими, парадигматическое распределение

² Отметим, что глагольные системы даргинских и лезгинских языков отчасти рассматривались в работах [Сумбатова 2011] и [Майсак 2014]. Сравнительный анализ категориальных структур этих систем с андийскими выходит за рамки данного исследования, но предварительно можно заключить, что по крайней мере даргинские системы могут описываться как многомерные агглютинативные, ср. «[п]равила построения цепочек показателей могут быть построены в терминах грамматики порядков» [Сумбатова 2011: 134].

которых не связано ни с каким систематическим различием в значении или с выражением словоизменительного признака [Ibid.: 169]. В указанном выше смысле морфомным можно считать, например, распределение лексики по словоизменительным классам, см. детальную классификацию морфомных явлений в [Herce 2023]. **Показателем** мы будем называть формально выделимый сегмент независимо от того, морфемный он или морфомный.

Между экспонентами и словоизменительными признаками плана содержания устанавливается отношение выражения (англ. *exponence*), которое часто формализуется в виде реализационных правил.

В [Blevins 2016: 267] выделяются морфосинтаксическое и морфотактическое «изменения» словоформы: **морфотактическое** относится к формальной структуре неэлементарных словоформ, а морфосинтаксическое, которое мы будем называть просто **грамматическим**, — к набору грамматических значений или словоизменительных признаков, которые соотнесены со словоформой.

Для ответа на вопрос о соотнесенности категориальной и морфотактической структур нам понадобятся три понятия: ортогональность категорий, формальная аддитивность и семантическая аддитивность. Под ортогональностью мы понимаем, как уже было указано выше, комбинаторный потенциал грамматических значений. При этом **ортогональность** может быть неполной — в случае, если не все комбинации двух постулируемых категорий возможны или не все из них имеют уникальное выражение (ср. понятие степени ортогональности (англ. *degree of orthogonality*), введенное в [Fedden, Corbett 2017]).

Под **формальной аддитивностью** мы будем иметь в виду возможность представить последовательность сегментов в виде нескольких формативов, противопоставляющих словоформы, при этом граница между этими формативами должна быть видна в поверхностной реализации словоформы. О **семантической аддитивности** формативов в словоформе мы будем говорить, если этим формативам можно поставить в соответствие некие элементы плана содержания, которые можно сформулировать в виде достаточно простых словоизменительных признаков («it can be captured with reference to a feature value» [Herce 2023: 10]), или, иначе, если их дистрибуции не являются морфомными, а также если при этом грамматическое значение словоформы может быть получено из грамматических характеристик отдельных формативов («given (...) the characterization of the feature values in its feature specification, we can predict the meaning of the whole» [Round, Corbett 2017: 26]).

Позиционный класс мы понимаем вслед за [Stump 1991] как класс аффиксов, употребляющихся в определенной позиции в составе цепочки аффиксов, оформляющих словоформу.

3. Глагольные системы андийских языков

Андийские языки — группа в составе аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанских языков. Традиционно в составе этой группы выделяют восемь языков: андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский. Зона исконного расселения носителей этих языков — северо-запад Горного Дагестана, а именно Ахвахский, Ботлихский, Цумадинский и отчасти Шамильский районы Республики Дагестан [Алексеев 1988: 3].

Несколько отвлекаясь от конкретноязыковых частностей, ядерные, наиболее частотные формы глагольных систем андийских языков по данным [Kibrik et al. (eds.) 1996; Кибрик и др. 2001; Alexeyev, Verhees (to appear); Creissels 2018; Kaye, Maisak 2023; Магомедбекова 1967; 1971; Майсак 2016] можно охарактеризовать следующим образом. К формам плана прошедшего относятся нейтральный аорист (или претерит), противопоставленный эвиденциальному перфекту, который может иметь и другие значения (результативного состояния, текущей релевантности, см. подробнее в [Ферхеес 2019]). Среди форм с временной референцией к настоящему обычно противопоставлены хабитуалис-

и немаркированный презенс, в некоторых идиомах им дополнительно противопоставлен прогрессив (например, в андийском языке [Kaye, Maisak 2023]), специализированно обозначающий актуальный процесс в момент речи. Зона будущего обслуживается формой футура или потенциалиса. Часто в системах также представлен проспектив. Формы со значением модальности, ориентированной на говорящего, включают императив и оптатив, иногда в системах представлены специализированные формы императива и оптатива множественного числа. В некоторых случаях мы будем привлекать к рассмотрению дополнительные формы, например, причастия и общие конвербы, морфология которых значительно различается в зависимости от системы [Алексеев 1988]. Поскольку в данной работе нас интересует в первую очередь морфологическая проблематика, мы ограничиваемся эмпирическим материалом только синтетическими формами.

Ярлыки для этих форм условны, поскольку не для всех идиомов доступны данные, которые бы позволили установить точные особенности их употребления. Выбор ярлыков во многом следует описательной традиции, заложенной работами [Kibrik et al. (eds.) 1996; Кибрик и др. 2001].

Теперь мы рассмотрим свойства нескольких андийских систем: на примере анчихского диалекта каратинского языка (с привлечением данных по канадинскому диалекту багвалинского языка) мы исследуем полиформативную систему с преобладающей морфотактической неэлементарностью средств выражения грамматических значений (подраздел 3.1); а тиндинская и чамалинская системы послужат примером систем со значительной формальной неаддитивностью (подраздел 3.2).

3.1. Полиформативные системы

В качестве примера полиформативной системы рассмотрим глагольную систему анчихского диалекта каратинского языка, данные о формах и грамматических ярлыках приводятся по [Филатов 2020] и, в меньшей степени, по [Магомедбекова 1971] (табл. 4, с. 39). Оговоримся сразу, что нас будут интересовать только категориальные свойства суффиксального словоизменения, поскольку префиксально в глаголе выражается лишь согласовательный класс. Все словоформы в таблице ниже даны в форме среднего согласовательного класса *b*-‘*N*’.

В этой таблице даны основные глагольные формы анчихской системы на примере лексемы *b-ik* “-а: [N-быть-INF] ‘быть’. Столбцы в таблице соответствуют количеству формативов, содержащихся в словоформах. Например, форма хабитуалиса *b-ik'-ur-a* [N-быть-IPFV-NAV] вписана во второй столбец, поскольку содержит два форматива *-ur* и *-a*. Словоформы были сегментированы таким образом, чтобы выделить наименьшие формативы, способные противопоставлять различные формы.

Можно заметить, что формы, расположенные в столбцах правее, синтагматически более сложны, чем расположенные в столбцах левее (например, формы в третьем столбце содержат два форматива, а во втором — один). Причем для словоформ в таблице выполняется еще одно свойство: форма в столбце справа содержит цепочку формативов, «наследованную» от формы в столбце слева, а также еще некоторые формативы (к этому свойству анчихской системы мы еще вернемся ниже в этом разделе). Можно сказать, что формы в столбце справа образованы от форм в столбце слева.

Пустая клетка означает, что автономной словоформы, которая бы выполняла эти требования, не существует. Форма имперфектива помечена звездочкой, поскольку она не является полностью автономной словоформой. Она выступает только в составе аналитических форм, таких как прогрессив *gah-ir gira* [делать-IPFV COP] ‘делает (в настоящий момент)’. Глоссы, которые мы приписываем формативам (как будет видно из дальнейшего изложения), в значительной мере условные.

Таблица 4

**Глагольная система анчихского диалекта каратинского языка
(на примере глагола *bik* "a: 'быть'")**

Подсистема	Один форматив	Словоформа содержит Два форматива	Три или четыре форматива
Подсистема перфектива		Перфективное причастие <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> - <i>b</i> N-быть-PTCP-N 'бывший'	
	Аорист <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> N-быть-AOR 'был'	Перфективный конверб <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> - <i>s</i> : N-быть-AOR-CVB 'быв'	
		Отрицательный аорист <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> - <i>c</i> ' <i>e</i> N-быть-AOR-NEG 'не был'	Отрицательное перфективное причастие <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> - <i>c</i> '- <i>o</i> - <i>b</i> N-быть-AOR-NEG-PTCP-N 'не бывший'
Подсистема имперфектива	Императив (мн. ч.) <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> - <i>bi</i> N-быть-AOR-IMP.PL 'будьте!'	Императив (мн. ч.) <i>b-ik</i> ' _w - <i>a</i> - <i>bi</i> - <i>λ</i> ' <i>a</i> N-быть-AOR-IMP.PL-OPT 'чтоб вы были!'	
	Хабитуалис <i>b-ik</i> '- <i>ur</i> - <i>a</i> N-быть-IPFV-HAB 'бывает'	Имперфективный конверб <i>b-ik</i> '- <i>ur</i> - <i>a</i> - <i>ra</i> N-быть-IPFV-HAB-ICVB 'бывая'	
Подсистема отрицательного имперфектива	Имперфектив <i>b-ik</i> '- <i>ur</i> * N-быть-IPFV	Имперфективное причастие <i>b-ik</i> '- <i>ur</i> - <i>o</i> - <i>b</i> N-быть-IPFV-PTCP-N 'бывающий'	
		Отрицательный хабитуалис <i>b-ik</i> '- <i>u(b)</i> - <i>a</i> - <i>c</i> ' <i>e</i> N-быть-NEG.IPFV<N>-NEG 'не бывает'	
Подсистема ирреалиса		Отрицательный имперфективный конверб <i>b-ik</i> '- <i>u(b)</i> - <i>a</i> - <i>ko</i> N-быть-NEG.IPFV<N>-NEG.CVB 'не бывая'	
	Прохитив <i>b-ik</i> '- <i>ubi</i> - <i>s</i> : <i>e</i> N-быть-IRR-PROH 'не будь!'	Оптивный прохитив <i>b-ik</i> '- <i>ubi</i> - <i>s</i> : <i>e</i> - <i>λ</i> ' <i>a</i> N-быть-IRR-PROH-OPT 'чтоб ты не был!'	
	Отрицательный потенциалис <i>b-ik</i> '- <i>ubi</i> - <i>c</i> ' <i>e</i> N-быть-IRR-NEG 'не будет'	Отрицательное потенциальное причастие <i>b-ik</i> '- <i>ubi</i> - <i>c</i> '- <i>o</i> - <i>b</i> N-быть-IRR-NEG-PTCP-N 'который не будет'	

Подсистема	Словоформа содержит		
	Один форматив	Два форматива	Три или четыре форматива
Подсистема императива	Императив <i>b-ik'-u</i> N-быть-IMP.INTR 'будь!'	Оптив <i>b-ik'-u-λ'a</i> N-быть-IMP.INTR-OPT 'чтоб ты был!'	
Подсистема инфинитива	Инфинитив <i>b-ik'w-a:</i> N-быть-INF 'быть'	Потенциалис <i>b-ik'w-a:-s:e</i> N-быть-INF-POT 'будет'	Потенциальное причастие <i>b-ik'w-a:-λo-b</i> N-быть-INF-POT.PTCP-N 'будущий'

Попытаемся ответить на интересующий нас вопрос о соотношении структуры формальных противопоставлений и структуры семантических противопоставлений в анчихской системе. Для этого требуется проанализировать формальную аддитивность формативов и то, насколько хорошо выделенные формативы соотносятся с какими-либо словоизменительными признаками (т. е. установить их семантическую аддитивность).

Начнем с вопроса о формальной аддитивности формативов. В целом можно признать, что большинство формативов в значительной степени аддитивны: границы между ними проводятся достаточно однозначно, а случаи фузии отсутствуют. Единственным исключением от формальной аддитивности можно признать правило выпадения /e/ при сочетании формативов *-č'e* [-NEG] + *-o-b* [-PTCP-N] → *-č'-o-b* [-NEG-PTCP-N].

При этом установление семантической аддитивности вызывает гораздо большие трудности. Практически все грамматические значения словоформ в этой системе нельзя представить как композицию более простых семантических единиц, соотносимых с парадигматической дистрибуцией формативов. Например, форматив *-ubi* участвует в выражении значений прохибитива, отрицательного потенциалиса и отрицательного потенциального причастия. На этом основании можно предположить, что он выражает смысл 'отрицание'. Однако форма отрицательного потенциалиса *b-ik'-ubi-č'e* показывает, что это не так: второй форматив *-č'e*, исходя из его дистрибуции, тоже приходится признать соотносящимся со смыслом 'отрицание': он участвует в выражении таких грамматических значений, как отрицательный аорист (*b-ik'w-a-č'e*) и отрицательный имперфектив (*b-ik'-u-b>a-č'e*). Тем самым, можно сделать два вывода: (i) смыслу 'потенциалис' не удается поставить в соответствие никакого форматива в составе этой словоформы; (ii) парадигматическая дистрибуция показателя *-ubi* не описывается в семантических терминах, и его вклад в семантику грамматического значения формы отрицательного потенциалиса не может считаться аддитивным. Оба этих вывода свидетельствуют о семантической неаддитивности этого участка парадигмы.

Рассмотрим еще ряд примеров, чтобы убедиться в том, что семантическая неаддитивность — существенное свойство анчихской системы. Если сравнить формы инфинитива, потенциалиса и потенциального причастия, то можно заметить, что в них во всех есть форматив *-a:*, который в отсутствие других формативов образует форму инфинитива. При этом нельзя сказать, что форматив *-a:* — экспонент смысла 'инфinitiv', поскольку значения форм потенциалиса и потенциального причастия никак нельзя получить при помощи аддитивной композиции смысла 'инфinitiv' и еще некоторого добавления, вносимого, предположительно, формативами *-s:e* или *-λo-b*. Более того, в случае аддитивной организации парадигмы ожидался бы параллелизм в составе формативов между потенциалисом и потенциальным причастием, с одной стороны, и их отрицательными соответствиями — отрицательным потенциалисом и отрицательным потенциальным причастием — с другой. При каноническом агглютинативном устройстве системы они отличались бы только на показатель отрицания, тогда как в анчихской системе для выражения смыслов 'потенциалис' и 'отрицательный потенциалис' используются разные комбинации формативов — *-a:-s:e* и *-ubi-č'e* соответственно.

Еще более яркий пример семантической неаддитивности находим в образовании императива множественного числа (табл. 5). В случае семантической аддитивности этого участка парадигмы мы бы ожидали, что императив множественного числа содержал бы форматив императива единственного числа. Тем не менее табл. 5 показывает, что это не так — можно соотнести форму императива множественного числа с формами императива единственного числа и аориста, чтобы убедиться в том, что императив множественного числа образован при помощи морфонологически измененного форматива аориста. Аорист образуется при помощи лексически распределенных формативов *-a / -e*, формирующих два словоизменительных класса: А-спряжение и Е-спряжение. Показатели императива (*-a / -i*) распределены в соответствии с переходностью глагола: переходные глаголы присоединяют форматив *-a*, а непереходные — форматив *-i*³. Данные в табл. 5 свидетельствуют о том, что распределение форматива императива множественного числа (*-a / -i*) зависит от спряжения, а не переходности глагола.

Таблица 5

**Императив множественного числа и его связь с аористом
в анчихском диалекте каратинского языка**

	Императив ед. ч.	Императив мн. ч.	Аорист	Переходность	Спряжение
‘смотреть’	<i>ha?</i> - <i>i</i>	<i>ha?</i> - <i>a</i> - <i>bi</i>	<i>ha?</i> - <i>a</i>	INTR	A
‘идти’	<i>be?</i> - <i>i</i>	<i>be?</i> - <i>i</i> - <i>bi</i>	<i>be?</i> - <i>e</i>	INTR	E
‘жарить’	<i>be?</i> - <i>a</i>	<i>be?</i> - <i>a</i> - <i>bi</i>	<i>be?</i> - <i>a</i>	TR	A
‘брать’	<i>bah</i> - <i>a</i>	<i>bah</i> - <i>i</i> - <i>bi</i>	<i>bah</i> - <i>e</i>	TR	E

Возвращаясь к табл. 4, в этом же смысле семантически неаддитивными приходится признать и сочетания формативов, образующих хабитуалис (*-ur-a* [-IPFV-HAB]), имперфективный конверб (*-ur-a-ra* [-IPFV-HAB-ICVB]), оптатив (*-u-λ'a* [-IMP.INTR-OPT]) и отрицательный оптатив (*-a-bi-λ'a* [-AOR-IMP.PL-OPT]).

Как и в примерах, рассмотренных выше, грамматические значения этих словоформ нельзя представить как композицию значений, приписываемых входящим в их состав формативам, по двум причинам. Во-первых, формативу невозможно приписать «значение», исходя из его парадигматической дистрибуции: таков случай «перфективного» форматива *-a* или *-i / e*, который неожиданно находится в формах императива и оптатива множественного числа. Во-вторых, даже если условное «значение» приписать удается (как в случае, например, с имперфективом — форматив *-ur* присоединяется только к имперфективным формам), то аддитивность все равно не соблюдена — это «значение» не позволяет композиционально получить грамматические значения словоформ, содержащих этот форматив. Все это указывает на то, что мы имеем дело с многочисленными случаями **морфологической идиоматичности**, иначе, морфологическими фраземами [Мельчук 1997], или гештальт-выражениями (gestalt-exponence) в терминологии современных словесно-парадигматических моделей [Blevins et al. 2019: 276]: «An individual wordform is often analysable into parts that recur elsewhere in its inflectional paradigm or in the morphological system at large. But these parts may function solely to differentiate larger forms, so that the minimal parts that distinguish a pair of wordforms cannot be associated with the difference in grammatical meaning between these forms».

³ В табл. 4 выше представлен также показатель императива *-u*: *b-ik'-u* [N-быть-IMP.INTR] ‘будь!’. Это морфонологический вариант показателя императива непереходных глаголов *-i* при лабиализованных основах. Ср. форму аориста *b-ik'w-a* [N-быть-AOR] ‘был’, где лабиализация основы видна в поверхностной форме.

В сущности, грамматические значения выражают не отдельные формативы, а идиоматические комплексы формально вычленимых формативов. Отдельные формативы в идиоматических комплексах являются **морфомными** — их парадигматическая дистрибуция не описывается в семантических терминах. Распространенный подход в реализационных моделях заключается в том, чтобы морфомные формативы относить к основе (см., например, [Spencer 2012; Blevins 2003]). Это соответствует традиционному дагестановедческому подходу, ср. термины «основа перфективы», «основа инфинитива» в [Кибрик и др. 2001]. В то же время в [Baerman, Corbett 2012] отмечается следующее: «[I]f there are multiple layers of formants we may struggle to determine whether we have a complex stem or a complex affix» [Ibid.: 65]. Морфомными формативами в анчихской системе являются, например, уже обсуждавшиеся выше *-a / -i* (условная гlosса AOR), *-ubi* (условная гlosса IRR), *-a:* (условная гlosса INF). Вместе с тем дистрибуция показателя *-ur* (условная гlosса IPFV), согласно некоторым взглядам на морфомные явления, может быть признана не морфомной, а морфемной: в [Herce 2023: 91] таким образом анализируется распределение перфективной и имперфективной основ в латинском языке: «[O]ne stem (*fac-*) appears in imperfective tenses and another one (*fēc-*) in the perfective ones. This is, therefore, a natural/morphemic alternation». Если следовать данной логике, возникает дескриптивная асимметрия: в отличие от основ в латинском, анчихская «перфективная основа» *-a / -i* (условная гlosса AOR) — морфомна (за счет присутствия ее форматива в формах императива мн. ч.), а «имперфективная» *-ur* (условная гlosса IPFV) — морфемна (даже с учетом ее семантической неаддитивности, например, в составе формы хабитуалиса). На наш взгляд, эти проблемы связаны с общими трудностями однозначного определения границы между морфомными и морфемными явлениями (см. раздел 4 ниже).

Формативы не появляются в словоформе независимо друг от друга, то есть имеют **ограничения на взаимную селективность** — их комбинаторный потенциал невелик. Например, выбор *-ur* в качестве форматива первой позиции ограничивает множество формативов второй позиции до *-a* и *-o*: присоединение первого образует форму хабитуалиса или имперфективного конверба, второго — форму имперфективного причастия. Некоторые формативы, например форматив потенциального причастия *-lo* или форматив отрицательного имперфективного конверба *-ko*, изолированы в парадигме и не участвуют в образовании каких-либо других форм.

Какую же в таком случае категориальную структуру имеет система анчихских синтетических форм в целом? Рассмотренные примеры показывают, что далеко не все комбинации грамматических значений возможны в рамках синтетической парадигмы, что было бы условием для выделения двух (или нескольких) ортогональных категорий: напротив, большинство комбинаций фиксированы. Например, смыслы ‘перфектив’ + ‘прошедшее’ закреплены в системе лишь за аористом и отрицательным аористом, а к формам плана настоящего относятся лишь имперфективные формы — хабитуалис и отрицательный хабитуалис.

Наиболее подходящим кандидатом на формирование отдельной «прозрачной» категории, все значения которой выражаются аддитивно, в анчихской системе является отрицание, которое практически во всех словоформах имеет собственное выражение *-č'e / -č'*. Тем не менее ортогональность отрицания и ТАМ-значений является неполной. Не все отрицательные формы в анчихской системе дистрибутивно соответствуют своим утвердительным парам. В ряде случаев отрицательная форма соответствует нескольким утвердительным, то есть имеет более широкое распределение, чем каждая из них. Это можно заметить по отсутствию в табл. 4 отрицательного коррелята, к примеру, для формы перфективного конверба. Форма отрицательного аориста обслуживает как финитные (1), так и конверbialные (2) употребления, так что специальная форма отрицательного перфективного конверба отсутствует.

(1)	<i>hark'a</i>	<i>q'ʷab-i-č'e</i>	<i>hinč'-o-b</i>	<i>m-as-ir-a</i>
	глаз	моргать-AOR-NEG	быть_неправильным-PTCP-N	N-говорить-IPFV-HAB

hor-do-l

MED-OBL.HPL-ERG

‘Они врут, не моргнув глазом’. [Гаджимагомедов 2019: 83]

- (2) *ho-guni-s:*   *t:ëj*   *di-ja*   *b-aq'-i-č'e*
 MED-PLACE-ATTR   вода   я-DAT   N-подходить-AOR-NEG

‘Тамошняя вода мне не подошла’. [Там же: 92]

Аналогичным образом в системе нет отдельной морфологической формы отрицательного имперфективного причастия — соответствующие употребления имеет форма отрицательного перфективного причастия [Магомедбекова 1971: 153]. Эти примеры указывают на ограниченный комбинаторный потенциал отрицания: его сочетания с некоторыми грамматическими значениями (в данном случае имперфективного причастия или перфективного конверба) не запрещены, но и не выражаются специализированными средствами. Согласно [Corbett 2012: 156], такая ситуация является неканонической: «*Canonical features and their values have dedicated forms (are ‘autonomous’)*». Нельзя говорить и об аддитивности отрицания в этих формах — полное грамматическое значение, например, формы отрицательного аориста *b-ik'ʷ-a-č'e* [N-быть-AOR-NEG] нельзя получить простой комбинацией смыслов ‘аорист’ и ‘отрицание’ — оно не будет включать информацию о том, что эта форма может употребляться и нефинитно.

Еще менее ортогональна, чем отрицание, возможная категория репрезентации, которая бы противопоставляла финитным формам формы конвербов и причастий, так как формы конвербов и причастий не образуются от неиндикативных форм⁴.

Таким образом, можно заключить, что устройство анчихской системы в значительной степени напоминает устройство линейных систем: ее точно так же невозможно разбить на несколько полностью ортогональных категорий, и даже отрицание и репрезентация в этой системе обладают неполной ортогональностью. При этом структура, задаваемая в парадигме противопоставляющими словоформы формативами, и структура семантических противопоставлений неизоморфны.

Стоит кратко коснуться еще одной особенности андийских систем, которая связана с ограничениями на взаимную селективность в идиоматических комплексах формативов. В полиформативных системах наблюдается особый порядок организации парадигмы, который мы называем иерархическим. В таких системах наличие и наполнение каждой следующей позиции в словоформе определяется наполнением предыдущей позиции.

Иерархическую структуру парадигмы удобно рассмотреть на примере багвалинской системы (на рис. 1 мы приводим слегка модифицированную и сокращенную схему из [Кибрик и др. 2001: 69] на примере форм глагола *et-a*: [летать-INF] ‘летать’). Как видно, наличие в структуре словоформы форматива, выражающего значение императива, открывает следующую позицию, причем она может быть заполнена только формативом, участвующим в выражении оптатива. Инфинитив в свою очередь допускает заполнение следующей позиции формативом будущего синтетического, деепричастия или причастия будущего времени. Позиционная структура, таким образом, не едина для всех словоформ, а определяется в значительной степени формативом первой послекорневой позиции, на основании чего все словоформы можно объединить в подсистемы (для багвалинской системы обозначены на рис. 1 обводками, а для анчихской — указаны в первом столбце табл. 4).

Из-за идиоматичности комплексов формативов иерархичность — чисто формальное свойство подобных систем: формы, имеющие общий семантический компонент,

⁴ Вообще говоря, тот факт, что в глагольных системах нередка ситуация запрещенных комбинаций граммем, известен и обсуждается, например, в монографии [Храковский, Мальчуков (ред.) 2020] и более ранних работах Санкт-Петербургской типологической школы, посвященных взаимодействию грамматических категорий. Тем не менее для наших целей пока достаточно ограничиться выводом о неполной ортогональности рассматриваемых категорий.

могут принадлежать к разным подсистемам. Так, будущее синтетическое в багвалинском относится к подсистеме инфинитива, а будущее отрицательное — к подсистеме имперфектива.

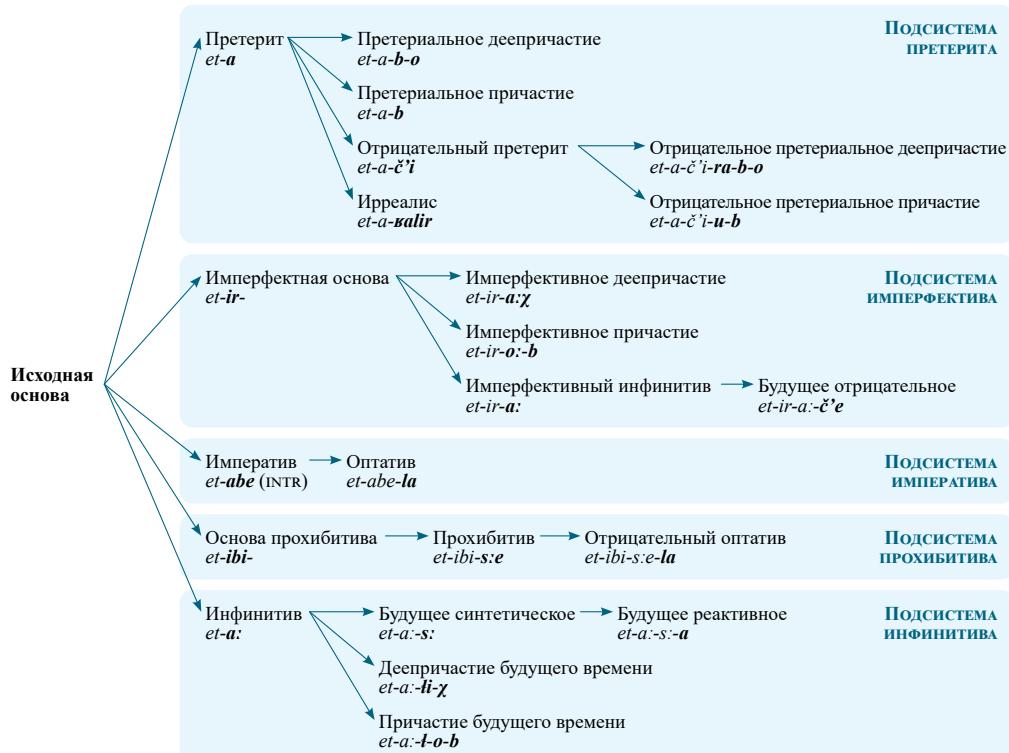

Рис. 1. Глагольная система багвалинского языка по [Кибрик и др. 2001: 69], формы глагола *et-a:* [летать-INF] ‘летать’

Отметим, что похожим свойством обладает словоизменительная система латинского глагола, в которой представлены три морфомных основы, из которых, например, т. н. третья основа, образованная от перфектного причастия (которое зачастую имеет пассивное значение), служит для образования причастия будущего времени, которое, в свою очередь, значение пассива никогда не выражает. Ср. замечание в [Aronoff 1994: 31–33] о несовпадении принадлежности к подсистеме и выражаемой формой семантики: «If we derive the future participle from the perfect participle, then what do we do with the passive meaning and syntax of the perfect participle?»⁵

3.2. Формально-неаддитивные системы

Рассмотрим теперь фрагменты систем двух других андийских языков — тиндинского и чамалинского, которые обладают свойством формальной неаддитивности.

Начнем с рассмотрения тиндинской системы (табл. 6; данные даются по описанию собственно-тиндинского диалекта [Authier (to appear)]). К синтетическим глагольным формам

⁵ Мы благодарим одного из анонимных рецензентов за указание на эту аналогию.

индикатива тиндинского языка, согласно описанию Ж. Отье, можно отнести семь форм: инфинитив, хабитуалис, отрицательный хабитуалис, аорист, отрицательный аорист, перфект и дебитив. Из этих форм две — перфект и дебитив — имеют пары дублетных форм и могут выражаться как синтетически, так и аналитически. По [Authier (to appear): 18–19], эвентуалис — грамматическая форма, совмещающая значения хабитуалиса и будущего времени с низкой степенью уверенности («less than certain future»). Дебитив — форма, обозначающая необходимость или будущее время с высокой степенью уверенности («obligation or certainty in the future»). Формы эвентуалиса и аориста могут также функционировать и как имперфективный и перфективный конвербы соответственно.

Тиндинская система, на наш взгляд, наиболее близка по своим свойствам к прототипическим линейным системам типа системы кеплле (табл. 3). Если не учитывать дублетные аналитические формы, все формативы в словоформах, выражющие грамматические значения, формально нечленимы. Поскольку комбинаторный потенциал грамматических значений в системе практически отсутствует, выделить несколько ортогональных категорий здесь затруднительно. Единственной категорией, которая могла бы быть введена, является отрицание. Ее значения в двух случаях (отрицательный эвентуалис и отрицательный аорист) комбинируются с ТАМ-значениями, однако в этом случае, по всей видимости, можно говорить лишь о маргинальной ортогональности — отрицание остальных грамматических значений выражается неморфологически [Authier (to appear): 19–20]. Ясно также, что и аддитивность в такой системе наблюдается только между лексическим значением, выражаемым корнем, и грамматическим значением целиком, выражаемым нечленимой флексией.

Таблица 6

Синтетические индикативные формы глагола *ihilja* ‘делать’ в тиндинском языке
(по [Authier (to appear)])

Грамматический ярлык	Форма
Инфинитив	<i>ih-ilja</i> делать-INF 'делать'
Эвентуалис (Имперфективный конверб)	<i>ih-a:</i> делать-NAV '(обычно) делает'
Отрицательный эвентуалис	<i>ih-ihi</i> делать-NAV.NEG '(обычно) не делает'
Аорист (Перфективный конверб)	<i>ih-o</i> делать-AOR 'сделал'
Отрицательный аорист	<i>ih-e:</i> делать-AOR.NEG 'не сделал'
Эвиденциальный перфект	<i>ih-o: / ih-o ija</i> делать-PF / делать-AOR СОР 'сделал (говорят)'
Дебитив	<i>ih-ile / ih-ilja ija</i> делать-DEB / делать-INF СОР '(обязательно) сделает'

На наш взгляд, отсутствие формальной аддитивности грамматических формативов в ряде случаев может объясняться действием фузионных процессов. Как отмечается в [Магомедова 2012] и [Authier (to appear)], синтетические формы перфекта (*ih-o:*) и дебитива (*ih-ile:*) не что иное, как стяженные аналитические формы, то есть *ih-o:* [делать-PF] ‘сделал (незасв.)’ < *ih-o ija* [делать-AOR COP] ‘сделал (незасв.)’, *ih-ile:* [делать-DEB] ‘сделает’ < *ih-ilja ija* [делать-INF COP] ‘сделает’. Это подтверждают также и данные акнадинско-андидинского диалекта тиндинского языка (приводятся по нашим полевым данным), где соответствующие когнатные формы сохранили полиформативную структуру: *ih-o-ja* [делать-AOR-COP] ‘сделал (незасв.)’, *ih-ila-ja* [делать-INF-COP] ‘сделает’.

Глагольную систему, претерпевшую фузионные преобразования, можно наблюдать в чамалинском языке (табл. 7).

Таблица 7

Фрагмент глагольной системы чамалинского языка (по [Бокарев 1949])

Глагол	‘молоть’	‘жать’	‘шить’
Перфективный конверб	<i>aq-i</i>	<i>akʷ-a</i>	<i>bak':ʷ-̑i</i>
Перфект	<i>aqi:da</i>	<i>akʷe:da</i>	<i>bak':ūjda</i>
Футур	<i>aqida</i>	<i>akuda</i>	<i>bak':unna</i>
Хабитуалис	<i>aqide:da</i>	<i>akude:da</i>	<i>bak':unne:da</i>

Как показывают данные А. А. Бокарева [1949], формы перфекта и хабитуалиса диахронически представляли собой сочетание перфективного конверба и футура⁶ со связкой. В процессе грамматикализации эти формы подверглись фузионной компрессии, в результате которой морфемный шов стал скрыт. Так, для форм хабитуалиса можно предположить следующее развитие: *aq-ida* + *ida* > *aqide:da* [молоть:NAV] ‘мелет’, *akuda* + *ida* > *akude:da* [жать:NAV] ‘жнет’, *bak':unna* + *ida* > *bak':unne:da* [шить:NAV] ‘шьет’. При этом формы перфекта еще более показательны, поскольку в этих формах в разных словоизменительных классах взаимодействие бывшей связки с основой произошло по-разному,ср.: *aqi* + *ida* > *aqi:da* [молоть:PF] ‘смолов’, *akʷ-a* + *ida* > *akʷe:da* [жать:PF] ‘сжал’, *bak':ʷ-̑i* + *ida* > *bak':ūjda* [шить:PF] ‘сшил’. В результате полиформативность перфекта и хабитуалиса здесь устанавливается только на уровне глубинного (морфонологического) представления.

4. Типологические и диахронические наблюдения над андийскими системами

Теперь попытаемся сделать некоторые диахронические наблюдения над рассмотренными выше особенностями андийских систем и провести к ним возможные типологические параллели.

Формальная аддитивность как шкала. Мы установили, что андийские глагольные системы можно предварительно разбить на три подтипа: полиформативный (анчихская система), фузионный (чамалинская система) и моноформативный (тиндинская система). Полиформативный тип характеризуется значительной формальной аддитивностью формативов при малой семантической аддитивности; фузионный тип также не обладает семантической аддитивностью, а его формальная аддитивность частична: в силу действия

⁶ В данном случае мы отвлекаемся от семантического сдвига, который претерпели формы футура («старого хабитуалиса») и хабитуалиса («старого презенса»), известного также как презентный дрейф, об этом см. [Bybee et al. 1994; Майсак 2008] среди проч.

фузионных морфонологических правил аддитивность может быть установлена лишь для глубинных форм формативов, а в поверхностном выражении проведение границ между ними затруднено; моноформативный тип не обладает формальной аддитивностью, а его семантическая аддитивность тем самым тривиальна.

Нетрудно заметить, что три этих типа систем располагаются вдоль континуума аддитивно-фузионных свойств словоформы [Плунгян 2016: 70–71]. Как кажется, этот факт позволяет выдвигнуть гипотезу о том, что возникновение этих типов может объясняться разной интенсивностью процессов морфологизации и фузионной компрессии. Идиоматические комплексы формативов образуются в условиях морфологизации, более интенсивной, чем процессы фузионной компрессии, то есть тогда, когда неаддитивность значения уже достигнута⁷, а форму все еще можно представить через комплекс парадигматически противопоставленных формативов.

Неизоморфность структур и асинхронность грамматикализации. Как показал анализ, ни одна из рассмотренных систем не обладает полной изоморфностью между структурами формальных и семантических противопоставлений. На наш взгляд, причины этого несоответствия кроются, с одной стороны, в составе грамматических значений этих систем, а с другой — в особенностях процессов грамматикализации, протекающих в таких системах.

Если не считать отрицания, которое в целом лучше других категорий подвергается ортогональному анализу, то словоформы рассмотренных андийских систем организованы вокруг ТАМ-значений. В этом смысле андийские данные подтверждают наблюдение Б. Эрсе о малой типологической засвидетельствованности ортогонально организованных категорий, состоящих из ТАМ-значений: «Whereas some features, like person and number, or case and number, are generally well-behaved regarding their (logical) orthogonality, others like TAM are more troublesome. Thus, it is often difficult to find a perfect orthogonality of tense and aspect, aspect and mood, or tense and mood» [Herce 2023: 123]⁸.

Данные показывают, что в этих системах протекают достаточно разнородные процессы грамматикализации: каждая форма проходит свой путь грамматикализации и новейший слой морфологии в этих формах грамматикализуется из источника независимо от других форм. Это видно, например, по отсутствию общего деепричастного показателя у форм претеритального (*-b-o*) и имперфективного (*-a:χ*) деепричастий в багвалинской системе (рис. 1). Об этом же говорят разные источники грамматикализации будущего синтетического (*-s:*) и нефинитных форм с временной референцией к будущему, деепричастия и причастия (*-li / -t*) — это результат морфологизации разного лексического материала в ходе разных циклов грамматикализации.

Такая материальная «неоднородность», по-видимому, может объясняться разной диахронической стабильностью грамматических значений в системе. Дж. Николс указывает: «Diversity arises when some element is relatively unstable and therefore prone to replacement in various ways» [Nichols 2003: 283], — а значит, стабильные и нестабильные граммемы в системе можно устанавливать сравнительно-историческим методом. Например, по данным сравнительной грамматики М. Е. Алексеева, аористные формы в андийских языках

⁷ Строго говоря, неаддитивность значения может быть достигнута и без морфологизации: данные в [Ферхес 2019] указывают на то, что, хотя обсуждавшийся выше эвиденциальный перфект в ряде андийских языков (багвалинском, каргинском, северно-ахвахском) является аналитическим, его значение тем не менее нельзя композиционально представить через значение копулы и лексического глагола.

⁸ Внимательный читатель мог заметить, что в рассмотренном нами примере многомерно-агглютинативной системы в узбекском языке (табл. 2) все ТАМ-значения также организованы в единую категорию в рамках одного позиционного класса аффиксов. Более того, пример линейной системы кеплле также содержит исключительно ТАМ-значения. Все это подтверждает наблюдение Б. Эрсе.

достаточно стабильны и могут быть реконструированы на праандийском уровне: «Единственной неописательной формой, наблюдаемой более или менее последовательно во всех языках, является форма аориста» [Алексеев 1988: 107]. В то же время формы будущего времени затруднительно реконструировать на праандийском уровне, что означает, что в разных языках произошли разные, более поздние и, возможно, независимые замены этих форм: «В значительной степени проблематичной представляется реконструкция общеандийского показателя буд[ущего] времени» [Там же: 110]. Неодинаковая стабильность грамматических значений в системе ведет к тому, что они обновляются асинхронно, а асинхронность может приводить к тому, что грамматикализованным оказывается материал из разных конструкций. Связанная с этим проблема — сохранение более архаичных форм в неассертивных контекстах [Bybee et al. 1994; Гусев 2006]. К примеру, в анчихской системе результат действия этого принципа можно предполагать в уже обсуждавшейся в подразделе 3.1 асимметрии между различием аориста и перфективного конверба в утвердительных формах и совмещением этих функций в одной отрицательной форме. М. Е. Алексеев [1988: 112] предполагает «исконное совпадение финитного и нефинитного оформления общеандийских глаголов», а также то, что «нынешняя система деепричастий сложилась уже в каждом из андийских языков независимо» [Там же: 111]. Как кажется, это можно интерпретировать в пользу того, что более архаичное состояние системы — аористно-конвербальная полисемия — сохранилось в контексте отрицания, способствующем сохранению архаичных структур, в то время как более инновативные утвердительные формы обновились независимо.

Кроме того, образованию ортогональных категорий препятствуют более новые слои морфологизации. Они могут нарушать уже сложившиеся позиционные структуры. Это можно увидеть на примере утвердительных и отрицательных форм футура и хабитуалиса в сравнении с аористом и прогрессивом в гагатлинском диалекте андийского языка (табл. 8).

Таблица 8

**Формы глагола *roχudu* ‘чесать’ в гагатлинском диалекте андийского языка
(по [Kaye, Maisak 2023])**

Грамматический ярлык	Утвердительные формы	Отрицательные формы
Хабитуалис	<i>roχu-do</i>	<i>roχu-do-s:u</i>
Футур	<i>roχu-d'a</i> (< *-do-ja)	<i>roχu-dos:a</i> (< *-do-s:u-ja)
Аорист	<i>roχo</i>	<i>roχo-s:u</i>
Прогрессив	<i>roχo-rado</i>	<i>roχo-rado-s:u</i>

Если хабитуалис образует отрицательную форму вполне регулярно и конкатенативно — при помощи показателя *-s:u*, характерного и для большинства других глагольных форм, то в футуре обнаруживаются фузионные показатели *-d'a* и *-dos:a*, которые в [Kaye, Maisak 2023] возводятся к сочетаниям **-do-ja* и **-do-s:u-ja*. Во-первых, фузионное взаимодействие между **-do* и **-ja* или **-s:u* и **-ja* нарушает формальную аддитивность формативов. Во-вторых, в этом случае континуант форматива отрицания *-s:* находится в несвойственной ему линейной позиции, поскольку обычная позиция показателя отрицания финитных форм в андийском языке — крайняя правая (ср. отрицательные формы аориста и прогрессива в табл. 8). Тем самым позиционный класс показателя отрицания оказывается нарушен.

С нашей точки зрения, как разнородность морфологизуемого материала, так и нарушения позиционной структуры словоформ при морфологизации можно рассматривать как свидетельства асинхронной морфологизации, предотвращающей формирование единой позиционной структуры для всех словоформ.

Диахрония морфомных и иерархических структур. Иерархическая структура парадигмы в андийских полиформативных системах также отражает известное свойство грамматикализации, заключающееся в сосуществовании внутри системы разных хронологических слоев (многослойность, англ. *layering* в терминах [Hopper 1991]): показатели, находящиеся ближе к концу словоформы, представляют более новые слои, имеющие менее размытые значения и линейно расположенные дальше от корня. Соответственно, показатели, расположенные ближе к корню, — это более старые слои морфологизованного материала, имеющие более размытые значения и меньшую морфологическую автономность.

Попытаемся теперь соотнести свойства формативов, которые мы в подразделе 3.1 выше идентифицировали как морфомные с тем, что известно о типологии и диахронии морфом. По определениям, например [Blevins 2003: 737], морфомные формативы «участвуют в построении разнородных форм» («*underlie a heterogeneous class of forms*») или «не вносят непосредственного семантического вклада в грамматические формы» («*make no constant morphosyntactic contribution to the forms that they underlie*»). Встречаются и более «радикальные» определения, прямо отрицающие какую-либо семантичность морфомных формативов, как, например, в работе [Spencer 2012: 88]: «основы, представляющие собой чистые формы и не реализующие каких-либо словоизменительных признаков» («*stems that are pure forms and which are not the realization of any feature or property set*»). Иными словами, граница между морфемами и морфомами проводится в зависимости от того, насколько множество клеток парадигмы, в которых представлен форматив, признается «семантически гомогенным» или «естественным» [Herce 2020]. В действительности же, дистрибуция того или иного форматива может быть в разной степени семантически мотивированной (англ. *coherent* в терминологии [Smith 2013]) — это так называемый **градиент** между морфемной и морфомной дистрибуциями [Smith 2013; Herce 2020]. Например, дистрибуция форматива *-a* [-AOR] и его алломорфов в подсистеме перфектива анчихской системы (табл. 4) с трудом может быть названа семантически мотивированной: его наличие в формах императива и оптатива множественного числа делает класс форм системы перфектива неестественным, не описываемым при помощи словоизменительных признаков. С другой стороны, распределение анчихского форматива имперфектива *-ir* демонстрирует значительную семантическую мотивацию: он встречается только в формах с имперфективной семантикой: имперфективе, хабитуалисе, имперфективном конвербе и причастии. Хотя даже при таком анализе мы сталкиваемся с трудностями: смысл ‘имперфектив’ сам по себе не моносемичен и представляет собой аспектуальный кластер из дуратива и хабитуалиса [Плунгян 2011: 402], в то время как форма имперфективного конверба в анчихском диалекте каратинского языка выражает не собственно имперфектив, а контемпоралис, т. е. строгую одновременность двух ситуаций, по классификации [Муравьев 2017]. Насколько эти значения формируют «естественный класс», остается неясным.

В работе [Smith 2013: 250–251] такие морфомы, возникающие в ТАМ-системах, выделяются в отдельный класс морфом (ТАМ-морфомы) на том основании, что они являются одним из наиболее семантически мотивированных классов морфом. Подобные парадигматические дистрибуции формативов с остаточной семантической мотивированностью обычно образуются в ходе развития полисемии показателя [Heine et al. 1991: 225–229; Майсак 2002: 20], т. е. при **грамматическом дрейфе** — семантическом развитии показателей уже внутри грамматической системы, а не в ходе превращения из лексической единицы в грамматическую [Урманчиева 2015]. При этом разрастание семантической сети значений показателя часто ведет к тому, что эти значения становятся невозможны свести к одному семантическому инварианту (такая ситуация называется гетеросемией в [Lichtenberk 1991: 476–477]) или, по [Herce 2019: 113], происходит «утрата семантического единства множества прежде семантически близких глагольных форм» («*loss of semantic unity on a set of formerly semantically related tenses*»).

В некотором смысле андийские идиоматические комплексы словоизменительных показателей можно рассматривать как недистантный аналог полияффиксов, выделяемых

в языках банту [Плунгян 2016: 95–97] (или конфиксов в более традиционной терминологии [Аксенова 1997]). Вместе с тем эти системы имеют и существенные отличия, поскольку в языках банту есть как префиксальные, так и суффиксальные позиционные классы, а андийские языки все ТАМ-значения выражают суффиксально. Это обстоятельство, очевидно, влияет на диахроническую судьбу данных систем, поскольку сценарий фузионной компрессии полификсов естественным образом блокирован присутствием корня между префиксальной и суффиксальной частями полификса.

Более отдаленный (но не менее интересный с точки зрения грамматической типологии) аналог андийских иерархических эффектов обнаруживается в глагольных системах ряда языков майя (юкатекских и чоль) [Виноградов 2013а; 2013б]. Эти системы можно считать линейными, поскольку в них неортогонально противопоставлены не только аспектуальные, но также модальные и временные значения [Виноградов 2013б: 124]. Отличительной особенностью этих систем является так называемый двухуровневый механизм выражения грамматических значений: системы некоторых языков требуют одновременного присутствия двух видо-временных показателей в глагольной форме — суффиксального, выражавшего более общие и размытые значения (например, перфектив, имперфектив, ирреалис), и препозитивного, выражавшего более частные значения (дуратив, перфект, проспектив, авертив и пр.). Как отмечает И. А. Виноградов, между уровнями наблюдается нетривиальное синтагматическое (иерархическое) взаимодействие: «[Г]раммемы одного уровня могут сочетаться не с любыми граммемами другого уровня, а только со строго определенными» [Виноградов 2013б: 59]. Так, в аспектуальной системе языка чоль (рис. 2) граммема перфектива препозитивного уровня сочетается только с граммемой перфектива суффиксального уровня, а суффиксальный имперфектив может принимать в качестве граммем препозитивного уровня имперфектив, дуратив и авертив.

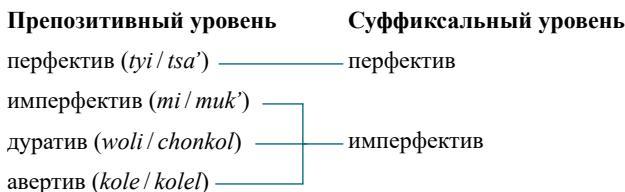

Рис. 2. Аспектуальная система языка чоль (по [Виноградов 2013б: 58])

Для граммем препозитивного уровня в [Виноградов 2013б: 63] вводится особое понятие интерпретирующей категории: «интерпретирующую категорию можно определить как грамматическую категорию, обязательно употребляющуюся совместно с какой-либо другой грамматической категорией, значения которой она интерпретирует (уточняет или модифицирует)». Однако из следующего пассажа видно, что интерпретирующая категория выделяется только на формальных основаниях — в силу того, что показатели интерпретирующей категории формируют хорошо выделимый позиционный класс. Однако семантические свойства этих показателей не позволяют выделить две ортогональные категории: «Поскольку в каждом конкретном языке граммема интерпретирующей категории сочетается со строго определенной граммемой базовой категории и только с ней, рассмотреть семантику граммем этих двух категорий по отдельности не представляется возможным. Поэтому (...), говоря о семантике отдельной граммемы, мы имеем в виду семантику сочетания интерпретирующей и базовой граммем» [Там же: 125]. Тем самым грамматические формы в такой системе не обладают семантической аддитивностью, поскольку не удается рассмотреть семантику граммем по отдельности. Интерпретирующая и базовая категории не ортогональны, их комбинаторный потенциал неполон из-за ограничений взаимной селективности между базовой граммемой и интерпретирующей — по сути дела, интерпретирующая категория подчинена базовой.

Отчасти похожие явления можно наблюдать и в андийских системах как с точки зрения семантики показателей, так и с точки зрения их селективности. Как мы уже отмечали выше, нередко показатель с более широкой дистрибуцией или общим значением находится ближе к корню, чем показатель с более узкой дистрибуцией или частным значением (например, уже обсуждавшиеся имперфектив и хабитуалис). Как и в майяских системах, комбинаторный потенциал формативов ограничен: выбор ближайшего к корню форматива определяет выбор формативов следующих позиций. Тем не менее между этими типами систем есть и важное различие. В структуре майяской формы все грамматическое значение с обязательностью распределено между двумя позициями — препозитивной и суффиксальной [Виноградов 2013б: 61], так что единая для всех форм позиционная структура позволяет говорить о двух позиционных классах, которые можно описывать в виде двух категорий, пусть и не ортогональных. В андийских языках нет единой позиционной структуры для всех словоформ, а грамматическое значение может выражаться наборами из разного количества формативов. По этим причинам для андийских полиформативных систем речь о введении интерпретирующей категории все же не идет. Большая формальная «стройность» майяских систем по сравнению с андийскими, при некотором сходстве их семантической организации, на наш взгляд, может объясняться меньшей морфологизованностью показателей препозитивного уровня (в значительной мере это аналитические вспомогательные частицы [Там же: 97]) и дистантным расположением показателей разных уровней (слева и справа от корня), способствующим формированию двух позиционных классов и препятствующим возможной фузии.

Добавление о дивергенции. Из-за того, что большое количество грамматических элементов в полиформативных системах типа анчихской и багвалинской могут выступать и как автономные словоформы, эти автономные основы демонстрируют процесс расхождения, или дивергенции (англ. *divergence*, по П. Хопперу), который в [Hopper 1991: 22] описывается применительно к лексике так: «When a lexical form undergoes grammaticalization to a clitic or affix, the original lexical form may remain as an autonomous element and undergo the same changes as ordinary lexical items». Здесь показателен багвалинский пример из [Кибрик и др. 2001: 78, сноска 1], описывающий диахронию деепричастия и причастия будущего времени (см. также соответствующие формы на рис. 1). Футуральные формы деепричастия *et-a:-li-χ* [летать-INF-FUT-CVB] ‘будучи тем, который полетит’ и причастия *et-a:-l-o-b* [летать-INF-FUT-PTCP-N] ‘который полетит’ образуются от основы инфинитива, которая способна выступать как автономная словоформа *et-a:* [летать-INF] ‘летать’. Источником грамматикализации показателей деепричастия и причастия *-li-χ* и *-l-o-b*, по [Кибрик и др. 2001], являются, соответственно, деепричастная и причастная формы глагола **le-* ‘идти’, от которого в современном языке остались только формы причастия *l-o-b* [идти-PTCP-N] ‘идущий’ и гортатива *le* [идти.NOGT] ‘пойдем’. Этот пример показывает, что возможна и «обратная дивергенция», когда при грамматикализации конструкции лексический источник показателя (глагол ‘идти’) исчезает, а форма-реципиент (инфinitив) сохраняется в виде полноценной словоформы.

5. Заключение

Итак, мы проанализировали несколько глагольных систем андийских языков и показали, что они весьма далеки от того, что принято считать агглютинативным прототипом: противопоставленные значения в системе слабо ортогональны, чем напоминают системы, организованные по линейному принципу. При этом можно выделить как системы с преобладающей формальной аддитивностью формативов (например, анчихская и багвалинская системы), так и с существенной формальной неаддитивностью (таковы тиндинская и чамалинская системы).

Важным свойством андийских полиформативных систем является семантическая неаддитивность: значительному числу формативов в них не удается приписать таких значений, из которых можно было бы композиционально получить общее грамматическое значение словоформы — такие формативы являются морфомными. Ослабленная ортогональность грамматических категорий в системе ведет к образованию иерархической структуры парадигмы. Иерархическое (древесное) устройство системы проявляется в том, что более близкие к корню показатели накладывают селективные ограничения на более периферийные показатели. Судя по всему, такая организация глагольной системы не уникальна в языках мира — неортогональность ТАМ-значений отмечается типологически [Herce 2023].

По всей видимости, большинство наблюдаемых особенностей андийских систем могут быть объяснены диахронически. Разница между формально-аддитивными и формально-неаддитивными системами, как можно предполагать, заключается в том, что в формально-неаддитивных системах протекают фузионные процессы, более интенсивные, чем процессы морфологизации нового материала. Неизоморфность категориальной и морфологической структур может объясняться асинхронной грамматикализацией разных элементов в системе, которую, в свою очередь, можно связать с неодинаковой стабильностью грамматических значений в системе. Иерархическое устройство парадигмы отражает со-существование хронологически разных слоев грамматикализованного материала (*layering*, по [Horner 1991]). Морфомные показатели образуются из семантически полнозначных в результате разрастания семантической сети под действием грамматического дрейфа, ведущего к полисемии и гетеросемии таких показателей.

Исходя из такой перспективы, приходится признать недостаточной гипотезу [Blevins et al. 2019: 275] о возникновении агглютинации: «*An agglutinating pattern could arise in a language whose morphotactic organization preserved the structure determined by successive waves of morphologization*». Данные андийских полиформативных систем вполне соответствуют описанной ситуации: в ходе нескольких последовательных волн морфологизации были сформированы морфотактически неэлементарные средства выражения грамматических значений. Однако разрастание семантических сетей, ведущее к гетеросемии и морфомности показателей в ходе грамматического дрейфа ТАМ-форм в системе, не позволяет сохранять семантическую аддитивность между старыми и новыми слоями морфологизованного материала.

Таким образом, типологические особенности андийских систем в основном могут быть объяснены своеобразием представленных в них грамматических значений и связанных с этими значениями диахронических процессов. По всей видимости, интуиция Дж. Байби о влиянии семантики на формирование тех или иных языковых структур может быть продуктивно применена и к области парадигматики: «*[T]he typological differences among languages in this view derive from the differences in substance that give rise to differences in structure*» [Bybee 1995: 244]. Такой взгляд, во-первых, позволяет исследовать способность разных классов грамматических значений формировать разные парадигматические структуры и, во-вторых, позволяет установить характер диахронического взаимодействия между категориальной и морфологической структурами. При этом нельзя сказать, что только семантический фактор играет роль в формировании парадигматических структур. Ясно, что и структурные параметры, такие как склонность / несклонность языковой системы к фузии или предпочтение словоизменительной префиксации / суффиксации, также могут значительно влиять на свойства грамматической системы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1 — первое лицо
- ACT — активный залог
- AOR — аорист

- ATTR — атрибутивизатор
- CAUS — каузатив
- COP — копула

CVB — конверб	MED — средний демонстратив
DAT — датив	N — средний согласовательный класс
DEB — дебитив	NEG — отрицание
ERG — эргатив	OBL — косвенная основа
FUT — будущее время	OPT — оптатив
NAV — хабитуалис	PASS — пассивный залог
HORT — гортатив	PF — перфект
HPL — личный множественный	PL — множественное число
согласовательный класс	PLACE — место
ICVB — имперфективный конверб	POT — потенциалис
IMP — императив	PROG — прогрессив
INF — инфинитив	PROH — прохихитив
INTR — непереходность	PTCP — причастие
IPFV — имперфектив	REFL — рефлексив
IRR — ирреалис	SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксенова 1997 — Аксенова И. С. *Категории вида, времени и наклонения в языках банту*. М.: Наука, 1997. [Aksenova I. S. *Kategorii vida, vremeni i nakloneniya v yazykakh bantu* [The categories of aspect, tense, and mood in Bantu languages]. Moscow: Nauka, 1997.]
- Алексеев 1988 — Алексеев М. Е. *Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков*. М.: Наука, 1988. [Alekseev M. E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiiskikh yazykov* [Comparative and historical morphology of Avaro-Andic languages]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Алексеев, Атаев 1997 — Алексеев М. Е., Атаев Б. М. *Аварский язык*. М.: Academia, 1997. [Alekseev M. E., Ataev B. M. *Avarskaia yazyk* [The Avar language]. Moscow: Academia, 1997.]
- Бокарев 1949 — Бокарев А. А. *Очерк грамматики чамалинского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [Bokarev A. A. *Ocherk grammatiki chamalinskogo yazyka* [A sketch of Chamalal grammar]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1949.]
- Бокарев, Климов 1967 — Бокарев Е. А., Климов Г. А. Иберийско-кавказские языки. Введение. *Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки*. Бокарев Е. А., Ломтатидзе К. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1967, 7–14. [Bokarev E. A., Klimov G. A. Iberian-Caucasian languages. Introduction. *Yazyki narodov SSSR. Iberiisko-kavkazskie yazyki*. Bokarev E. A., Lomtatidze K. V. (eds.). Moscow: Nauka, 1967, 7–14.]
- Виноградов 2013а — Виноградов И. А. «Интерпретирующие» грамматические категории: к определению понятия. *Вопросы языкоznания*, 2013, 5: 28–45. [Vinogradov I. A. “Interpretive” grammatical categories: Defining the concept. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 5: 28–45.]
- Виноградов 2013б — Виноградов И. А. *Семантические грамматические категории глагола в языках майя: сравнительный и типологический анализ*. Дис. .... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2013. [Vinogradov I. A. *Semanticheskie grammaticheskie kategorii glagola v yazykakh maia: sravnitel'nyi i tipologicheskii analiz* [Semantic grammatical categories of the verb in Mayan languages: A comparative and typological analysis]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2013.]
- Володин 1976 — Володин А. П. *Ительменский язык*. Л.: Наука, 1976. [Volodin A. P. *Itel'menskii yazyk* [The Itelmen language]. Leningrad: Nauka, 1976.]
- Гаджимагомедов 2019 — Гаджимагомедов М. З. *Анчихский язык. Словарь*. Махачкала, 2019. Рук. [Gadzhimagomedov M. Z. *Anchikhskii yazyk. Slovar'* [The Anchiq language. Dictionary]. Makhachkala, 2019. Ms.]
- Гусев 2006 — Гусев В. Ю. О сохранении архаичных форм в неассертивных контекстах: материал самодийских языков. *Проблемы типологии и общей лингвистики: международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.* Храковский В. С., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2006, 41–45. [Gusev V. Yu. On the retention of archaic forms in non-assertive contexts: Data of Samoyedic languages. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. International conf. on the 100th anniversary of the birthday of Prof. A. A. Xolodovich. Proceedings. St. Petersburg, September 4–6, 2006*. Xrakovskij V. S., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006, 41–45.]

- Зализняк 1967/2002 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. «*Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкоznанию*». Зализняк А. А. М.: Языки славянской культуры, 2002, 1–370. 1-е изд. 1967 г. [Zализняк А. А. Russian nominal declension. «*Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu*. Zaliznyak A. A. Moscow: Языки славянских культур, 2002, 1–370. 1st publ. 1967.]
- Кибрик и др. 2001 — Кибрик А. Е. (ред.-сост.), Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словарь*. М.: Наследие, 2001. [Kibrik A. E. (ed.-comp.), Kazenin K. I., Lyutikova E. A., Tatevosov S. G. (eds.). *Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovari* [The Bagvalal language. Grammar. Texts. Dictionaries]. Moscow: Nasledie, 2001.]
- Кибрик, Кодзасов 1988 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V. (eds.). *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanских языков. Glagol* [Comparative dictionary of Daghestanian languages. Verb]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1988.]
- Коношенко 2017 — Коношенко М. Б. Кепле языком. *Языки мира: Языки манде*. Выдрин В. Ф., Мазурова Ю. В., Кибрик А. Е., Маркус Е. Б. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2017, 284–342. [Konoshenko M. B. The Kepelle language. *Yazyki mira: Yaziki mande*. Vydrin V. F., Mazurova Yu. V., Kibrik A. E., Markus E. B. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017, 284–342.]
- Магомедбекова 1967 — Магомедбекова З. М. *Ахвахский язык: грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси: Мецниереба, 1967. [Magomedbekova Z. M. *Akhvakhskii yazyk: grammaticheskii analiz, teksty, slovar'* [The Akhvakh language: Grammar analysis, texts, dictionary]. Tbilisi: Mecniereba, 1967.]
- Магомедбекова 1971 — Магомедбекова З. М. *Каратинский язык: грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси: Мецниереба, 1971. [Magomedbekova Z. M. *Karatinskii yazyk: grammaticheskii analiz, teksty, slovar'* [The Karata language: Grammar analysis, texts, dictionary]. Tbilisi: Mecniereba, 1971.]
- Магомедова 2012 — Магомедова П. Т. *Тиндинский язык*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. [Magomedova P. T. *Tindinskii yazyk* [The Tindi language]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2003.]
- Майсак 2002 — Майсак Т. А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2002. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammaticalization paths with verbs of motion and position]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2002.]
- Майсак 2008 — Майсак Т. А. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке. *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка*. Алексеев М. Е., Майсак Т. А. (отв. ред.). М.: Academia, 2008, 162–222. [Maisak T. A. Semantics and origin of present and future verb forms in Udi. *Udinskii sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka*. Alekseev M. E., Maisak T. A. (eds.). Moscow: Academia, 2008, 162–222.]
- Майсак 2014 — Майсак Т. А. Глагольные системы лезгинских языков: структура, семантика и пути развития перфективных форм. *Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы*, 2014, 6: 26–42. [Maisak T. A. Verbal systems of Lezgian languages: Structure, semantics, and ways of the evolution of perfective forms. *Bulletin of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*, 2014, 6: 26–42.]
- Майсак 2016 — Майсак Т. А. *Глагольная система рикванинского говора андийского языка: формообразование*. М., 2016. Рук. [Maisak T. A. *Glagol'naya sistema rikyaninskogo govora andiiskogo yazyka: formoobrazovanie* [Verbal system of the Rikvani variety of Andi: Forms]. Moscow, 2016. Ms.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Т. I: Введение. Слово. Перцов Н. В. (ред.), Перцова Н. Н., Саввина Е. Н. (пер.). М.; Вена: Языки русской культуры, 1997. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [Course in general linguistics]. Vol. 1: *Vvedenie. Slovo* [Introduction. Word]. Pertsov N. V. (ed.), Pertsova N. N., Savvina E. N. (trans.). Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1997.]
- Муравьев 2017 — Муравьев Н. А. *Таксис и таксисные значения в языках мира: теория и типология*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. [Muravev N. A. *Taksis i taksisnye znacheniya v yazykakh mira: teoriya i tipologiya* [Taxis and taxis meanings in the world's languages: Theory and typology]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2017.]
- Назаров 1974 — Назаров В. П. *Разыскания в области исторической морфологии восточнославянских языков*. Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. [Nazarov V. P. *Razyskaniya v oblasti istoricheskoy morfologii vostochnoslavianskikh yazykov*. Mahachkala: Daghchpedgiz, 1974.]

- morfologii vostochnokavkazskikh yazykov* [Studies on historical morphology of East Caucasian languages]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1974.]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии. *Основы африканского языкоznания: Глагол*. Виноградов В. А., Топорова И. Н. (ред.). М.: Восточная литература, 2003, 5–40. [Plungian V. A. African verb systems: Remarks on a typology. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaniya: Glagol*. Vinogradov V. A., Toporova I. N. (eds.). Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, 5–40.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плунгян 2016 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: ЛЕНАНД, 2016. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General linguistics: Introduction to the problematics]. Moscow: LENAND, 2016.]
- Плунгян, Урманчиева 2004 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. «Линейные» глагольные системы: к постановке проблемы. *Грамматические категории и единицы: Сб. научных статей к 75-летию А. Б. Копелиовича*. Пименова М. В. (ред.). Владимир: ВГПУ, 2004, 121–138. [Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. “Linear” verb systems: Towards the problem statement. *Grammaticheskie kategorii i edinitsy. Coll. of scientific papers on the 75th anniversary of A. B. Kopielovich*. Pimenova M. V. (ed.). Vladimir: Vladimir State Pedagogical Univ., 2004, 121–138.]
- Ревзин, Юлдашева 1969 — Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д. Грамматика порядков и ее использования. *Вопросы языкоznания*, 1969, 1: 42–56. [Revzin I. I., Yuldasheva G. D. The grammar of orders and its use. *Voprosy Jazykoznaniya*, 1969, 1: 42–56.]
- Сумбатова 2011 — Сумбатова Н. Р. Показатели предикативных категорий в даргинском языке. *Московский лингвистический журнал*, 2011, 11: 151–173. [Sumbatova N. R. Markers of predicative categories in Dargwa. *Moscow Journal of Linguistics*, 2011, 11: 151–173.]
- Урманчиева 2015 — Урманчиева А. Ю. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей (на примере эвиденциальной системы тазовского селькупского). *Вопросы языкоznания*, 2015, 6: 54–77. [Urmanchieva A. Yu. How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams (a case study on the Tas Selkup system of evidential markers). *Voprosy Jazykoznaniya*, 2015, 6: 54–77.]
- Услар 1889 — Услар П. К. *Аварский языкъ*. Тифлисъ, 1889. [Uslar P. K. *Avarskii yazyk* [The Avar language]. Tiflis, 1889.]
- Ферхеес 2019 — Ферхеес Я. Х. Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Verhees J. H. *Evidential'nost' kak chast' vido-vremennoi sistemy glagola v nakhsko-dagestaneskikh yazykakh* [Evidentiality as part of tense-aspect in East Caucasian languages]. Moscow: HSE Univ., 2019.]
- Филатов 2020 — Филатов К. В. *Система индикатива анчихского диалекта каратинского языка*. ВКР бакалавра. М.: НИУ ВШЭ, 2020. [Filatov K. V. *Sistema indikativa anchikhskogo dialekta karatinskogo yazyka* [Indicative system of Anchiq Karata]. BA thesis. Moscow: HSE Univ., 2020.]
- Храковский, Мальчуков (ред.) 2020 — Храковский В. С., Мальчуков А. Л. (ред.). *Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола*. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. [Xrakovskij V. S., Malchukov A. L. (eds.). *Ierarkhiya i vzaimodeistvie grammaticeskikh kategorii glagola* [Hierarchy and interaction of verbal categories]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020.]
- Alexeyev, Verhees (to appear) — Alexeyev M., Verhees S. Botlikh. *Handbook of Caucasian languages. Vol. 2: Nakh-Dagestanian*. Koryakov Yu. B., Maisak T. A. (eds.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton. To appear.
- Arkadiev 2022 — Arkadiev P. Morphology of the Caucasian languages: A typological overview. *Jezikoslovní zapiski*, 2022, 28(1): 7–38.
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself: Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Authier (to appear) — Authier G. Tindi. *Handbook of Caucasian languages. Vol. 2: Nakh-Dagestanian*. Koryakov Yu. B., Maisak T. A. (eds.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton. To appear.
- Baerman 2019 — Baerman M. Feature duality. *Morphological perspectives: Papers in honour of Grevelle G. Corbett*. Baerman M., Bond O., Hippisley A. (eds.). Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2019, 124–137.

- Baerman, Corbett 2012 — Baerman M., Corbett G. G. Stem alternations and multiple exponence. *Word Structure*, 2012, 5(1): 52–68.
- Blevins 2003 — Blevins J. P. Stems and paradigms. *Language*, 2003, 79: 737–767.
- Blevins 2016 — Blevins J. P. *Word and paradigm morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Blevins et al. 2019 — Blevins J. P., Ackerman F., Malouf R. Word and paradigm morphology. *Oxford handbook of morphological theory*. Audring J., Masini F. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 265–284.
- Bybee 1995 — Bybee J. Diachronic and typological properties of morphology and their implications for representation. *Morphological aspects of language processing*. Feldman L. (ed.). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1995, 225–246.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Corbett 2012 — Corbett G. G. *Features*. New York: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Creissels 2018 — Creissels D. Perfective tenses and epistemic modality in Northern Akhvakh. *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Forker D., Maisak T. A. (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2018, 166–187.
- Fedden, Corbett 2017 — Fedden S., Corbett G. G. Gender and classifiers in concurrent systems: Refining the typology of nominal classification. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2017, 2(1): 1–47.
- Forker 2018 — Forker D. Introduction. *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Forker D., Maisak T. A. (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2018, 1–25.
- Forker 2020 — Forker D. Avar. *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2020, 243–279.
- Ganenkov, Maisak 2020 — Ganenkov D., Maisak T. Nakh-Dagestanian languages. *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2020, 87–146.
- Harkness 1898 — Harkness A. *A complete Latin grammar*. New York; Cincinnati; Chicago: American Book Company, 1898.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination Hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Bisetto A. (eds.). Dordrecht: Springer Netherlands, 2009, 13–29.
- Heine et al. 1991 — Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A conceptual framework*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Herce 2019 — Herce B. Morpheme interactions. *Morphology*, 2019, 29(1): 109–132.
- Herce 2020 — Herce B. On morphemes and morphemes: Exploring the distinction. *Word Structure*, 2020, 13(1): 45–68.
- Herce 2023 — Herce B. *The typological diversity of morphemes: A cross-linguistic study of unnatural morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2023.
- Hockett 1954 — Hockett C. F. Two models of grammatical description. *Word*, 1954, 10(2–3): 210–234.
- Hopper 1991 — Hopper P. J. On some principles of grammaticalization. *Approaches to grammaticalization*. Traugott E. C., Heine B. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991, 17–36.
- Kaye, Maisak 2023 — Kaye S., Maisak T. The two verbal stems in Andi. *Talk at Imperfective Modalities in the Caucasus and Beyond. Collège de France, Paris, September 12, 2023*.
- Kibrik et al. (eds.) 1996 — Kibrik A., Tatevosov S., Eulenberg A. (eds.). *Godoberi*. Munich; Newcastle: Lincom Europa, 1996.
- Lichtenberk 1991 — Lichtenberk F. Semantic change and heterosemy in grammaticalization. *Language*, 1991, 67(3): 475–509.
- Maiden 2018 — Maiden M. *The Romance verb: Morphemic structure and diachrony*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.
- Matthews 1972 — Matthews P. H. *Inflectional morphology: A theoretical study based on aspects of Latin verb conjugation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
- Nichols 2003 — Nichols J. Diversity and Stability in Language. *The Handbook of historical linguistics*. Joseph B. D., Janda R. D. (eds.). Malden (MA): Blackwell Publ., 2003.
- Plungian 2001 — Plungian V. A. Agglutination and flection. *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 1. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001, 669–678.
- Round, Corbett 2017 — Round E. R., Corbett G. G. The theory of feature systems: One feature versus two for Kayardild tense-aspect-mood. *Morphology*, 2017, 27(1): 21–75.
- Smith 2013 — Smith J. C. The morpheme as a gradient phenomenon: Evidence from Romance. *The boundaries of pure morphology: Diachronic and synchronic perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 247–261.

- Spencer 2012 — Spencer A. Identifying stems. *Word Structure*, 2012, 5(1): 88–108.
- Stump 1991 — Stump G. T. On the theoretical status of position class restrictions on inflectional affixes. *Yearbook of Morphology 1991*. Booij G., van Marle J. (eds.). Amsterdam: Kluwer Academic Publ., 1991, 211–241.
- Stump 2001 — Stump G. T. *Inflectional morphology. A theory of paradigm structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- van den Berg 2005 — van den Berg H. The East Caucasian language family. *Lingua*, 2005, 115(1–2): 147–190.
- Welmers 1973 — Welmers Wm. E. *African language structures*. Berkeley: Univ. of California Press, 1973.

Получено / received 11.03.2024

Принято / accepted 24.09.2024